

два
рассказа

Ркаил
Зайдулла

Ангел

ДОЖИЛИ, называется, что уже не узнаёшь одну из центральных улиц города! В Париже, например, вообразить такое просто невозможно. «Ротонда» всё такая же, как и несколько столетий тому назад, войдёшь – и словно видишь там Модильяни с Ахматовой под руку... В Стамбуле то же самое: кофейня расположена по соседству с надгробными камнями византийского периода: эпохи перемешались – пребываешь там в состоянии, располагающем к размышлениям о вечности. Конечно, речь не о себе любимом, а о бессмертии живой человеческой души. Вероятно, и сама вечность тоже вещь не постоянная, и у неё объявится какой-то конец...

Салим испытывал странное чувство, будто оказался в совершенно незнакомом городе. Хотя вся его юность прошла здесь – в центре Казани – среди домов, от которых веяло духом старины. На этой улице он бывал довольно часто – в то время она официально именовалась улицей Свердлова, хотя коренные

горожане по привычке называли её Суконкой, поскольку здешние обитатели раньше, из поколения в поколение, занимались изготовлением сукна. Вот и сейчас перед глазами Салима возникли тронутые временем старинные деревянные дома тех лет. Вспоминая былые времена... впрочем, не так уж много воды утекло с тех пор.

В конце прошлого века, желая избавиться от трущоб в центре города, махом снесли целую слободу, уничтожив и эти деревянные дома, а на их месте отстроили новый, современный район! Время наступило такое, да и вся страна была ему под стать – разве тогда считались с чьей-то памятью... И воспоминания о жизни в тех деревянных домах развеялись, тоже оказавшись недолговечными. Церкви же, возведённые из калёного красного кирпича, по сей день возвышаются, владея над местностью, ясное дело, их строили с прицелом на будущие столетия, и не ошиблись. Толстые, в полтора метра

шириной, стены стойко выдержали все бури и натиски истории. Одна церковь вон сколько лет служила зданием Кукольного театра, а теперь снова стала православным храмом! Прежнее название улицы связано с Георгиевским церковным приходом, а до этого она называлась Кирпичной. Потому что после взятия Казани новые хозяева поспешно выстроили здесь кирпичный завод. При перестройке завоёванного города кирпич – самая нужная и ходовая вещь. А в период ханства, говорят, здесь находилась армянская слобода. Каменное или кирпичное строительство и для них, надо полагать, тоже было привычным делом. Но, как ни странно, сколько себя помнит Салим, улица в основном состояла из ветшающих деревянных домов.

Что ни говори, а улица Петербургская сразила Салима наповал. Действительно, шагая по этой, предназначенной только для пешеходов, улице чувствуешь себя попавшим в один из европейских городов. В начале двадцать первого века ей неспроста дали имя города Петербурга, он ведь тоже, если вдуматься, напоминает копию какой-то столицы Европы. Салим усмехнулся про себя: иногда он любил нарочито щегольнуть перед друзьями историческими познаниями, но, чёрт побери, сей бесценный багаж (некогда добытый усидчивостью и прилежанием) приятно греет душу, даже если никого нет рядом!

В восьмидесятых годах прошлого века он учился на историческом факультете Казанского университета, и кое-что понимал в этой области. Однако в молодости Салим более, чем историей, увлекался литературой, и сейчас даже стыдно признаться! – пытался сочинять стихи. Честно говоря, сегодня он весьма далёк и от истории, и от стихов, живя более двадцати лет за границей и имея своё небольшое, но вполне успешное дело, да и в Казань вернулся в связи с бизнесом. Здесь у него не осталось близких родственников, его не терзали и ностальгические чувства, поскольку он не имел ни малейшего намерения встречаться со старыми друзьями: ведь дружба питается общими интересами,

и если долго не общаться, то угасают даже родственные связи. Взаимоотношениями людей управляют самые простые интересы. И никуда от этого не деться, милые мои!

Салим не считал себя ни сентиментальным, ни романтиком и, искренне веря в это, порой поражался самому себе: как мог когда-то заниматься сочинением стихов?! Естественно, приступы сентиментальности случались, если нечаянно что-то всплывало в памяти. И вот теперь, когда он вышагивал по Петербургской, всколыхнулось море воспоминаний. Пешие прогулки вообще располагают к раздумьям о прошлом. Если бы ещё в молодости он не обзавёлся машиной, как знать, может быть, продолжил бы писать стихи, поэтом и не стал бы, но напрочь отдалиться от литературы у него тогда не получилось, потому что по-прежнему любил пешие прогулки – ведь во время них вырабатывается наблюдательность, а это и есть суть литературы! Только вот досада – к моменту совершеннолетия Салима литература как бы сошла с арены, словно её время прошло: исчезло, улетучилось, будто марево! Как все тонкие натуры, он мгновенно уловил перемены: другое время, другие птицы, другие песни!

Удивившись потоку своих шальных мыслей, Салим коротко усмехнулся и повернул в сторону гостиницы «Сулейман-палас», где разместился накануне. Отель ему понравился, высший класс! На европейском уровне! Администраторы настолько вежливы и предупредительны, что, казалось, готовы выполнить малейшую прихоть своего гостя! Как владельцы отеля сумели их так вышколить, уму непостижимо, просто загадка. Ведь наш человек, если даже валяется в канаве, не считает себя ущербным, да вдобавок гордится тем, что он простой работяга, – то ещё, советское, воспитание! Отсюда хамоватые официанты, грубые уборщицы, вахтёры, возомнившие себя генералами в мундире... Салим помнит их. Значит, общественные нравы в стране существенно изменились. А что лежит в основе таких

перемен, Салим, долгие годы живущий в Европе, конечно, отлично знал.

Вот оно, здание отеля... У него, безусловно, есть хозяин, и, надо признать, превосходный! Собственными усилиями построил или за грошовую цену присвоил государственное имущество, теперь это не имеет значения. Величественное, респектабельное. На сколько лимонов потянет, если по себестоимости? Нет, если даже Салим ещё лет пятьдесят будет заниматься бизнесом, и то близко не сумеет подойти к нему. Вот если бы в центре Казани иметь такую гостиницу?! Ну и мечтатель ты, иронично усмехнулся Салим. Да, если родился мечтателем, это – на всю жизнь.

Поднимаясь по мраморной лестнице к входным дверям гостиницы, он внезапно остановился как вкопанный: будто искорка вспыхнула в одной из клеток мозга. Здание отеля капитальное, словно стоит здесь на протяжении долгих столетий, хотя на самом деле построено всего каких-то лет двадцать тому назад. Он огляделся вокруг. Вон... дом напротив... он же вроде стоял там ещё в те годы. Да, стоял! Конечно, раньше он не выглядел таким импозантным и, если память не изменяет, скорее, напоминал собой ошипанную курицу. А теперь ему приладили пух и перья – он прекрасен, словно сокол, раскинувший крылья в полёте. А на месте этой гостиницы... Всего-то лет тридцать тому назад... Помнит он, помнит!

Именно в те годы Салим бредил стихами. Была осень. Шурша ворохом опавших жёлто-бурых листьев на тротуаре, по улице Комлева он направился в Союз писателей. Впрочем, к тому времени вроде бы улицу уже успели переименовать в Муштари. Старинных деревянных построек и здесь было ещё немало. Вот он миновал двор дома, где когда-то жил поэт Адель Кутуй. Этот дом, по всей видимости, только недавно разобрали: угадывается фундамент, рядом валяются несколько непригодных прогнивших брёвен и обломки кирпичей. Однажды, выйдя после литературного вечера из здания Союза, Салим мельком видел тут какого-то человека с небольшой бо-

родкой, присевшего на корточки возле этого фундамента. «Сын поэта, он и сам поэт, – подсказал кто-то. – Раз в месяц приходит сюда, чтоб поплакать».

Вот и роскошный двухэтажный особняк, построенный в своё время купцом Окопишниковым. Видно, богатый купчина хотел, чтобы в нём вольготно жилось его детям и внукам; сердешный, не думал и не гадал, что вскоре революция лишит его крыши над головой. В середине восьмидесятых годов здание передали в распоряжение Союза писателей. Парадная дверь, по обыкновению, была заперта, Салим, пройдя по двору через чёрный ход, некогда предназначенный для прислуги, поднялся на второй этаж. Медленным кивком он поприветствовал старуху-вахтёра, сидевшую в тесной комнатке рядом с дверью за чаепитием, – здесь его знают! Старуха с неприязнью посмотрела ему вслед своими злыми глазами с бельмом на одном из зрачков.

Литературный консультант Асад Бушков, которому вменялось в обязанность направлять подающую надежду молодёжь на путь творчества, тоже не выразил особой радости от встречи с ним. Несколько раз в году он пребывал в подавленном расположении духа. Салим знал об этом – чтобы избавиться от лишнего веса, дней десять тот голодал и сидел на одной воде. «После десяти дней появляется ощущение такой лёгкости, будто готов взлететь, – рассказывал Асад, облизывая сухие, потрескавшиеся губы. – Такой кайф, ребята!» Бледное, осунувшееся лицо могло бы уместиться в ладони, в такие моменты он напоминал мальчишку-старика.

– Ты что тут?.. – обратился он к Салиму неприветливо. – Давно тебя не видно было.

– Я в деревне жил, – ответил Салим, широко улыбаясь. От улыбки лицо его ещё более расплылось вширь. – Ну и мастак же я, вот горы исписал! Может, почитаю, абзый?

Конечно, Бушков прекрасно знал, что так просто от графоманов не отделаешься. Нигде от них не скроешься – отыщут, найдут, прижмут в каком-ни-

M. Akhat

будь углу и всё равно добьют своей писаниной! Но куда деваться, это же его основная работа – консультант! Пишут ли они по-татарски или по-русски, он обязан давать советы, учить секретам писательского ремесла. Что поделаешь, вставляя словечки вроде «интересно», «неплохо», он уже привык усмирять натиск новоявленных литераторов. Вот и сейчас налил себе из графина стакан воды и выпил. Чувство голода на какое-то время вроде бы притупилось. Впрочем, в последние дни желание поесть уже заметно угасало и могло прекратиться совсем.

В деревне Салим написал много стихов, а сейчас с удовольствием читал их Бушкову.

Кто-то пытался зайти в кабинет. Нет, не посторонние – либо сотрудник из соседней комнаты, либо кто-то из писателей, мимоходом заглянувший в Союз, но, завидев Салима, размахивавшего руками, тут же закрывал дверь и удалялся прочь.

Спустя примерно час Бушков оставил его жестом руки.

– Хватит!

– Нет, не хватит! – сопротивлялся Салим. – Самые лучшие остались, давай дочитаю, а?

Бушков пронзил его полным ненависти взглядом:

– Слушай, парень, остальные ведь тоже ты написал, а?

– Я!

– Ну... я понял уже, какой ты поэт. И прежде не сомневался.

– И какой же?

– Во-первых, поэт не может быть таким толстым. Ты хоть взгляни на себя! Живот уж начал выпирать. В твоём-то возрасте! – Асад вновь впери в Салима голодный взгляд, будто готов был съесть его.

Салиму стало не по себе, упаси бог, вон какие жуткие вещи написал Галимджан Ибрагимов о людоедах во времена голода в Поволжье. Он инстинктивно сжал широкие плечи, втянул живот.

– Конституция у меня такая, – сделал он попытку оправдаться, глядя в сторону.

– Поэт должен быть худым, бедным и всегда голодным! – воскликнул Бушков непререкаемым тоном. – Тукай! Ты видел его?

– Нет... – растерянно сказал Салим. – Разве он жив?

– Он вечен! Был голодным, раздетым и разутым, поэтому и велик! А потому до сих пор живёт. А ты? Посмотри на себя, совсем опустился.

Салим, чтобы увидеть себя, обернулся к зеркалу, висевшему на стене. На его взгляд, ничего такого, что могло бы напугать людей, не было в его облике. Фигура у него, конечно, крупная, а Тукай на фото выглядит почти как подросток... Но ведь он и не собирается стать Тукаем. Тут даже Салимом быть очень трудно.

– А Маяковский? – спросил он, пребывая в крайнем замешательстве.

– Маяковский был высок и атлетичен. И потом... Маяковский – разве это поэт?! Есенин вот... – Белое, как бумага, лицо Бушкова начало розоветь, вроде и губы налились жизнью, Асад снова налил стакан воды и залпом выпил. – Вот он – настоящий поэт! Глыба! – Повернувшись к Салиму, Бушков снова бросил на него уничтожающий взгляд.

– Так ведь когда они жили-то! Сейчас другое время, – оправдывался Салим.

– Давай собирайся, я тебе покажу настоящего поэта! – Бушков, как упругий мячик, одним прыжком оказался у двери. – Истинного поэта увидишь!

По дороге они зашли в магазин и купили бутылку водки. Салим не успел залезть в карман, а Бушков уже оплатил. «Не ройся, – сказал он, улыбаясь. – И я когда-то был студентом». Щедрым, великодушным, не мелочившимся по пустякам человеком был Бушков. Сейчас его словно подменили – глаза горят, на скулах выступили два красных пятна. В каждом движении и жесте сквозит деловитость. Значит, сегодня по его посту можно прочесть заупокойную суру «Ясин»! Салим пока ещё не мог себе ясно представить, каким образом будет происходить это разговение. Поэтому за

плавленный сырок, завернутый в фольгу и размером чуть более спичечного коробка, он заплатил сам. «Дружкой» назывался сырок. Стоил он копейки, и сыр в нём был не совсем сыром. Из-за своей дешевизны он пользовался большой популярностью у алкашей.

Когда они добрались до улицы Свердлова, уже наступили сумерки. Лавируя между покосившимися ветхими пристройками, остановились перед маленьким домиком, это если сказать с большой натяжкой... Скорее перед ними стояло нечто вроде лачуги. Однако она была бревенчатой, а не насыпущкой. Видимо, это сооружение появилось в очень давние времена – в темноте оно казалось наполовину вросшим в землю. Из-под нижнего венца проросло тоненькое берёзовое деревце и теперь, уже вытянувшись ввысь, изо всех сил старалось отвоевать себе место под солнцем. В окне свет не горел. Тем не менее бросалось в глаза, что только на одной оконной створке блестело стекло, а на другой красовался кусок фанеры, форточка же... была затянута перепонкой! Где её раздобыл хозяин, уму непостижимо. Во времена, когда стекло стоило очень дорого, бедняки заменяли его брюшинной перепонкой, об этом Салим знал из истории. Но когда такой доморощенный способ применяли... Вспомнилась стихотворная строчка: «Перепонкой затянута было окошко, укрывали и топили соломой...»

Бушков потянул за ручку скособочившейся двери, она легко подалась, оказавшись незапертой. Они шагнули внутрь.

Да, на месте этой гостиницы и находилась та лачуга. Естественно, «Суллейман-палас» занимает огромную площадь. Тут, наверное, располагалось с десяток таких небольших домов. В фойе Салим повернул направо. Вон... И оказался в лобби-баре. Там... он уселся в обитое зелёной кожей круглое кресло. Слегка отодвинул низенький столик, стоявший прямо перед ним. Не успел и глазом моргнуть, как к нему подошёл официант, молодой парень

в белой рубашке и чёрном галстуке-бабочке.

– Что желаете?

– Кофе...

– Какой хотите?

– Самый хороший, только что снятый с огня.

– Сейчас, принесу через пару минут.

– Официант удалился.

«"Слушаюсь!" надо бы ответить ему, да только вот они не знают старого этикета, с татарским языком тоже не в ладах», – безучастно подумал Салим. Наблюдая издалека, он уже привык к медленному угасанию татар как нации. Говорят же, если Бог кого-то хочет наказать, то прежде всего отнимает разум, а если речь о целом народе, то, видимо, – самосознание. А без самосознания, что это за нация?

...В доме темно, света нет, – наверное, отключили за неуплату, а о том, что в комнате ни души, угадывалось по пустой кровати. Она одна служила мебелью, да ещё слабое подобие стола на трёх ногах ютилось в углу. На нём ничего не было, кроме луковой шелухи. Проносящиеся по улице машины скользили лучом фар по убогой обстановке. Бушков где-то отыскивал свечу и зажёт её. Проверил в свете колеблющегося пламени на безопасность стакан, обнаруженный на подоконнике, и вернул на место.

– Придётся из горла, – тяжело вздохнул он. – Пробовал так?

– Нет...

– Не дрейфь. Это в первый раз трудно.

На полу валялись какие-то обрывки бумаги. Бушков двумя пальцами поднял один из них и поднёс к глазам.

– Не успел собрать, обычно он на любой бумажке записывает свои стихи и потом складывает в чемодан. Вот в этот, – указал он куда-то под кровать.

– Кто же он такой?

– Поэт! С большой буквы! Вот послушай! – Глядя на листок бумаги, Асад пошевелил губами, кажется, не мог разобрать почерк. – Ага! Вот! Послушай...

Во мне не сердце, а кусочек грома
С отсветом молний, падающих гроз,
Я в ливни чувств сверкающих закован,
И весь насквозь из хохота и слёз.

Ну как?!

Салим ещё не успел впитать стихотворение в себя, однако тайными струнами души уловил исходившую из этих строк мощь, смысл и глубину трагедии, орошённой слезами, унижающей талантливую личность, сумевшую вопреки всему вывести на свет божий такое стихотворение. Не в силах проглотить застрявший в горле ком, он присел на кровать.

– То-то же, – кивнул Бушков, видя его состояние. – На, глотни. Мне-то, голодающему нельзя пока.

Они долго молча просидели при свете свечи. Каждый был погружён в свои мысли.

– Родиться на свет – это уже счастье, – нарушил тишину Бушков. – Из миллиона сперматозоидов лишь один достиг цели – родил именно тебя, разве это не счастье? Если даже проживёшь немного, ты уже увидишь солнце. Чудо!

А потом вернулся и хозяин дома. Он ни капли не удивился присутствию посторонних в доме.

– Асад! – воскликнул он с порога. – Не ты ли это, бесов сын?! Всё ещё учишь кого-то стихи писать? Хотя сам не умеешь...

– Учу, – отозвался Бушков. – Вот познакомься – Салим. – И повернулся к Салиму: – Фамилия твоя как ещё?

– Не важно! – Хозяин, подойдя, обеими руками долго тряс тяжёлую руку Салима. – Не слушай ты этих! Пиши по-своему. Таких, как ты, миллион! Пишущего стихи только фатум делает поэтом.

– А что такое фатум? – спросил Салим.

– Вот, браток, этого я и сам не знаю. Придёт время, он без предупреждения даст знать о себе.

– Салим, познакомься – произнёс Асад, – перед тобой великий русский поэт современности Винсент Макаров!

Великим поэтом он называл невысокого роста, тощего человечка, одетого в

потрёпанную фуфайку, его полинявшие брюки совсем износились в коленях... В кирзовых сапогах... Во время разговора голова, утопавшая в воротнике фуфайки, вскидывалась, подбородок устремлялся вверх; в такие моменты он напоминал захотевшего взлететь, но ещё не оперившегося птенца. Салим проникся сочувствием: не от мира сего этот человек – вылетит из своего гнезда и камнем оземь. Судьба у него такая. До самой смерти останется он маленьким воробушком. Такдир! Фатум! Мактуб!

– Винсент только неделю назад вернулся из ЛТП*, – счёл возможным пояснить Бушков. – Он ещё не привык к нашей жизни.

– Да уж... – поморщившись, махнул рукой тот, дескать, не о чем тут говорить. Взял без церемоний бутылку с подоконника и сделал пару изрядных глотков. – Хо-ро-шо!

В дверях кто-то показался ещё.

– Ангел мой! – воскликнул Винсент, узнавая входящего по шагам. И быстро спрятал бутылку в углу.

Нет, Салим до сих пор не может забыть её: это была совсем юная девушка – с её приходом жалкая комната словно бы озарилась светом. Эта история произошла уже давным-давно, но чем более сгущается завеса времени, тем отчётливей и ярче юное создание стоит перед глазами. Во что она была одета, в памяти уже не сохранилось, но, кажется – во что-то очень простое и очень изысканное... Девушка оказалась изящной и стройной, словно фарфоровая статуэтка, серо-бирюзовый взгляд обрамляли стрельчатые ресницы, светлые волосы водопадом низвергались на плечи. Над левой бровью белел еле заметный шрам в форме истончившегося полумесяца – может, от неудачного падения в детстве... А не остаётся ли такой след от падения с небес на землю?

* ЛТП – лечебно-трудовой профилакторий. В советские времена там якобы лечили пьяниц от алкоголизма.

Шрам придавал её лицу неповторимое очарование.

– Ангел мой! – раскинул руки для объятия поэт.

Однако девушка к нему не подошла, присела на кровать рядом с Салимом и заплакала. Подняла руку вверх, длинные белые пальцы в полутьме казались прозрачными... невыразимо печальными... дрожали...

Нет, как можно забыть такое!

Была ли она дочерью поэта или вправду ангелом? Наверное, всё же ангелом, только как от такого невзрачного мужичка могла родиться неземная красота?!

– Мы же договаривались, – заговорила она, всхлипывая с каким-то детским отчаянием. – Ты же дал слово!

И, не дожидаясь ответа, она резко встала, схватила спрятанную бутылку и метнула её в окно, да так метко: бутылка, прорвав с треском перепонку, вылетела наружу.

Поэт закрыл лицо руками и отвернулся в сторону. Слово кто-то протягивал там ему руку помощи.

– Прости меня, мой Ангел! – прошептал поэт.

Девушка подошла к нему и приобняла. Из накинутой через плечо холщовой сумки достала листы бумаги и протянула ему:

– Вот твои новые стихи... Отпечата-ла.

Поэт, как сомнамбула, направился к кровати и, согнувшись, сунул их в чемодан.

– Потом почитаю, – сказал он, еле шевеля губами.

– Почитаешь... – И девушка кивнула в сторону непрощенных гостей:

– Только вот этим не читай, не по чину им такие стихи!

– Да, эти стихи для себя, только для меня...

Салим и Бушков тихонько, на цыпочках, чувствуя себя бесконечно виноватыми, удалились из домика.

После этого события Салим перестал сочинять стихи.

Кофе действительно был отменным, для настоящего гурмана. Негромкая музыка ласкала слух. Пригубив кофе, Салим глотнул прохладной воды из высокого бокала. Другой вкус – оттеняющий горьковатость кофе, который разливался по всем кровеносным сосудам. Однако Салиму не пришлось долго пребывать в расслабленном состоянии, млея от удовольствия, – в лобби-бар вошла уборщица в синем халате. Толстая, с широким лицом, приплюснутым носом, маленькими зелёными глазками и буравящим взглядом. Таких на улицах Казани тысячи! Только эта женщина показалась ему знакомой. А над левой бровью у неё тоненький шрам! Говорят, перед концом света, кого помянешь, тот и встанет перед тобой, не об этом ли речь?

– Обеденный перерыв! – заявила женщина, с шумом сунув швабру в ведро. – На час!

Салим закрыл глаза. Умираю, что ли, вяло подумал он. Сердце... Когда пришёл в себя, над ним, склонившись, стояла прекрасная девушка. С серо-бирюзовым взглядом, прямым носом, покалывая стрельчатыми ресницами в самое сердце... Над левой бровью светился серпик полумесяца. Салим схватился за сердце.

– Ангел!

Огонь, опаливший сердце, вскоре побежал по всему телу. С небес нисходил чей-то голос. Чу, а не стихи ли это?!

Девушка погладила его по голове.

– Утомился... Тебе нужен покой! – сказала она.

Да, нужен... Очень нужен. Разве можно так предаваться воспоминаниям, а? Особенно человеку, когда-то писавшему стихи?

Ведь и для него... потому что... бывших поэтов не бывает...